

Артем уволился в запас в июле в звании младшего сержанта и, когда вернулся домой (ощущение родного, теплого, уютного семейного гнезда, к которому тянуло все время службы, не оставляло его), чувствовал себя поначалу как бы не в своей тарелке — отвык от свободы. «Ты куда так летишь?» — удивлялись родные, видя, что он все делает чересчур уж быстро и с озабоченным выражением лица. Да, ответственность и организованность... Армия усилила в нем эти качества. Потому ему не нравилось, когда мать, убираясь в его комнате, по-женски, как ей казалось правильным, перекаладывала все на столе, на полках и в шкафу. Ведь служба — третий, а кому и второй родитель — приучила: любая вещь должна лежать на своем месте, чтобы потом, когда понадобится, легко найти ее.

Так вышло, что друзья Артема, в общем-то дружелюбного, общительного и умеющего верховодить сверстниками, были старше его по возрасту. Уже в школьные годы серьезный и рассудительный, он любил подвижные игры — но не в «дыр-дыр», а футбол и волейбол по-настоящему, — и каждую свободную минуту проводил на школьном стадионе рядом с их домом. Благодаря его уличным тренажерам заметно вытянулся в росте; там он и познакомился с заядлыми игроками — нынешними своими друзьями, охотно принявшими в свою команду умного и уважаемого паренька. Эта дружба осталась на всю жизнь. Потому для него, вернувшегося из армии, сразу нашлась и работа в автосервисе, и компания для отдыха, не в пример одногодкам с их пьяными гулянками и на все согласными девочками. А поскольку Артем не любил прохладжаться, то и не тянул с началом работы. Ремонтировать машины ему нравилось, но себя он мыслил в ином качестве — мечтал «ремонтировать» людей. Он и к машинам-то относился как к людям: поглаживал их, как бы похлопывая по плечу и мысленно разговаривая с ними, — и готовился через год поступать в медицинский институт. Как-то он проговорился об этом в мастерской, чем вызвал насмешки и некоторое охлаждение к нему.

— Ты поменьше рассказывай о своих планах. Мало ли кто кем хотел или хочет, да не может быть! — говорил ему Виктор, друг, который и устроил его на работу. — Мне можно рассказывать все, вот и рассказывай мне!

Через пару месяцев Виктор пришел в мастерскую чернее тучи. На расспросы Артема вначале ничего не отвечал, только желваки ходили на скулах, резко выступивших на осунувшемся лице, да взгляд из-под прикрытых ресниц был какой-то затравленный. Но, когда немного пришел в себя, глубоко вздохнув, произнес:

— Серегу привезли...

— Как привезли? Что значит — привезли?!

— В гробу привезли, в цинковом...

— Серегу?! Откуда?

— С Донбасса. Он там добровольцем воевал, пока ты служил.

...Впервые со смертью товарища (друзьями они не были — невозможно дружить с абсолютно закрытым, постоянно пребывающим в себе человеком) Артем столкнулся в армии. Но то было самоубийство — суицид, как официально выражались командиры. Было даже возбуждено уголовное дело — «доведение до суицида». Алексею до дембеля оставалось полгода. Тем не менее он повесился... При этом дедовщины в части не было и в помине, и со стороны офицеров рукоприкладства и вымогательства, как пишут в СМИ, не наблюдалось. А вот происшествия были, и несколько — буквально одно за другим: то солдата задавило грузовой машиной, еще три человека погибли при взрыве танка на полигоне, а то взорвалась БМП... Психологически тяжело было всем — такое не на войне, а в мирное время! Однако у Алексея не выдержала психика, и...

Но здесь была другая смерть. Сергей, один из самых близких друзей, находился, как сказали Артему, в командировке и вскоре должен был приехать. Артем очень ждал встречи с ним... А встретил в гробу, в оцинкованном запаянном гробу, который находился внутри деревянного, открытого. В изголовье среди живых цветов стоял портрет Сергея в красивой рамке. Как выяснилось, он погиб на Донбассе в знаменитом бою за Саур-Могила двадцать шестого августа 2014 года, почти через месяц после прихода Артема из армии...

Дверь была открыта настежь: входили родные, соседи, друзья и просто знакомые. Мать, седая женщина в простом пальто и накинутой на голову шали, сидя у гроба, причитала и при появлении всякого нового человека начинала голосить. Рядом, держа ее за руку, беззвучно плакал старик отец. Девочка лет десяти, племянница Сергея, удивленно и испуганно смотрела на бабушку и как-то пыталась успокоить ее. Артем подошел, по-солдатски, мужественно, как мог, выразил соболезнование родителям и встал у гроба. «Прощай, Серега!» — плакала его душа, но он крепился, стараясь не проронить ни слезинки. Только, как в калейдоскопе, в сознании сменяли друг друга картины их встреч, совместных дел, дружеских шуток, улыбчивое, веселое лицо фактически ставшего ему старшим братом Сергея. И вдруг спазм перехватил дыхание: «Вот и свиделись, друг, а сколько я сказать тебе хотел...» Слезы, скатившейся по щеке, он ни стесняться, ни вытирать не стал и, выйдя во двор, затянулся взятой у кого-то сигаретой, хотя до того не курил.

Все украинские события начались, когда Артем еще служил. Солдаты по армейскому распорядку каждый вечер с 21.00 по 21.15 просматривали первую часть программы «Время». Киевский майдан буквально приковал ребят к экрану, ставшему для них окном в иной, чужой и кошмарный мир. Ведь после слабой попытки прекратить безобразие все перешло в форму чуть ли не восстания. Только много позже Артем понял, что главное происходило не на площадях и улицах, а за всем этим, как за ширмой, совсем другие люди устроили госпереворот, далеко не в интересах скакавших на майдане. Эти скачущие, их глумливые выкрики «москаляку на гияляку» — производили тягостное впечатление. Артем с детства был воспитан в дружелюбии к людям любой национальности — а в его родне были и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, то есть весь малороссийский интернационал. Такие же чувства в той или иной степени испытывали и все солдаты и офицеры.

Но вот пришла весна и события в Крыму. Настроение ребят заметно изменилось. А когда объявили о воссоединении Крыма с Россией, ликование охватило всех — даже самые скучные и серьезные улыбались. Конечно, и среди ребят находились

те, кто кривился при информации с полуострова. Ну, не «пятая колонна», а только отдельные единицы ее все же были среди сослуживцев Артема... Но общей радости это не испортило. А командование устроило праздничный ужин с пирожными и лимонадом в честь долгожданного исторического события.

Однако затем оптимизм и светлые ожидания того, что крымский сценарий повторится на Донбассе, явно пошли на убыль. А дело было так. Жители Донецкой и Луганской областей провели референдумы, провозгласили себя суверенными республиками, — ими двигало желание объединиться в Новороссию и войти в состав России. В основной массе своей, как и крымчане, люди считают себя русскими. Они воспротивились насильственной украинизации, «великой украинской истории» и ее бандеровским «героям» и не поддержали хунту, захватившую в Киеве власть. Но их мечты воссоединиться с Россией не сбылись.

Дальнейшие же события на Донбассе — на Артема особенно повлияли бои за Николаевку вплоть до отхода ополченцев из Славянска, — когда начался бесконечный «сериал»: бои, обстрелы украинскими военными гражданских объектов, гибель людей, искалеченные тела, сгоревшие дома, разрушенные школы и больницы, — ввергли ребят в настоящую депрессию, все в части ходило как в воду опущенные. Пришлось начальству даже меры принимать насчет дисциплины...

Но через некоторое время на Донбасс поехали добровольцы, в том числе контррактники из их части. А обратно — по письмам из дома — стали иногда приходиться «грузы-200». Вот и Артем встретил Сергея...

Артем похоронил, потом помянул друга вначале в кругу его родных и близких, а затем отдельно, среди общих друзей. Он тосковал по Сергею. В свободное от работы время ходил по аллеям парка, где когда-то гуляли с друзьями в теплые летние вечера и где однажды они с Сергеем вступились за знакомую девчонку и вдвоем отлупили троих хулиганов, пристававших к ней. У паромщика дяди Василия он одолжил на время ту самую старую лодку, все так же переваливавшуюся с бока на бок у берега и знакомо, словно ворча на седоков, скрипевшую уключинами: на ней они с Сережкой любили кататься по реке или, сидя в ней, удить рыбу. Много, много было таких мест, вызывавших в его душе грустные воспоминания... Но не только ими жил в эти дни Артем.

В город приехала семья беженцев из Краматорска: мужчина лет сорока с женой и тремя детьми от пяти до десяти лет. Он говорил, что хотел остаться, воевать, но жена не пустила — куда, мол, одна с детьми, а кто работать, кормить будет... И правда, отец семейства сразу же пошел работать на стройку, как и на родине, главным механиком — отвечал за все машины и трактора, за все механизмы и сам, вместе со слесарями, ремонтировал их. Потому уходил из дома чуть свет и возвращался около девяти вечера, а то и позже.

Они поселились по соседству с Артемом, сняв недорогую однокомнатную квартиру — для такой-то семьи! Как-то в воскресенье на детской площадке, где супруги сидели, наблюдая за ребятами, он разговорился с ними. Понятно, на тему, которая его больше всего интересовала. Александр и Мария рассказали, как с детьми прятались от бомбежек в сыром и темном подвале их «сталинки», среди таких же растерянных и подавленных горем людей. У всех одна страшная, гложущая беда — война, и в глазах: «За что?!» и «Доколе?!», и неизбывный страх за детей... Среди них были и те, у кого дети погибли, порой прямо у них на глазах.

— Говорить о том больно, а тем более пережить. Страшно, когда бомбы падают: стекла вылетают, дом ходуном ходит... — Слезы катились по щекам Марии. — Мы ж боимся прежде всего за них, а то б ушли к ополченцам, кабы не они, — она с тревогой и лаской взглянула на играющих детей.

Александр сидел молча, понурясь, с силой сжимая сцепленные в замок пальцы.

— С нами приехала сюда моя подруга, — продолжала Мария. — Ой, Господи, как она жыла — не описать. У нее двоих детей, вот таких, как наши, убило снарядом, — голос ее прервался, с трудом проглотив слезы, она продолжила: — Муж-то Ольги в ополченцах, и уж неделя как не было звонка от него, а мобильник недоступен. Мучается: кроме мужа, у нее никого... И все мы так: жили, работали, а нынче не знаем, будет ли куда вернуться, может, у нас и дома уж нет. Если бы не Россия, что бы было, куда бы мы с дитями?

— Когда же эти гады порошковские увидят, что убивают простых, ни в чем не повинных людей?! — не выдержав, воскликнул Александр. — Это, Артем, настоящий геноцид нас, русских!

— И горше всего, что и на той стороне много русских... — промолвила Мария.

— А вот брат звонил из «ихней» донецкой зоны, рассказывал, как зашли «укропы» в Славянск, а у них уж списки на руках, кто в ополчении. Поймали женщину и мужчину, сын которых воюет, привязали их к машине за ноги и тащили на скорости по площади, потом окровавленных бросили и уехали, — глухо, с тоской стал рассказывать Александр. — Зашли в дом, где отец был ополченцем, забрали пятилетнего дитя, вынесли его на ту же площадь и прибили гвоздями к рекламному стенду. Прибегла мать, и ее на глазах у всех расстреляли. Что делается, Артем? Заходят с собаками в жилье, мужиков до тридцати пяти без разбора убивают! Получается, бомбежка погуманнее будет, чем то, что они творят...

— Так что же ты тут сидишь?! — не выдержав, забыв на миг все объяснения соседей, возмутился Артем и вскочил.

— Да я бы с радостью взял автомат... — тихо промолвил Александр, и видно было, как давно и сильно страдает он. — Но куда ей, — кивнул на жену, — хворая и слабая она больно, особенно после третьего дитя, не потянет так работать, чтобы прокормить семью...

— Извини, брат, — сказал Артем и, сочувственно поглядев на них, попрощался и ушел.

Но теперь он не пропускал ни одного репортажа о событиях на Донбассе. Вглядывался в лица людей, ополченцев, словно пытаясь разглядеть знакомых или сослуживцев по армии. А передачи сопровождалась страшными кадрами: искалеченные трупы стариков, женщин и детей, кровь, кровь и кровь...

По Интернету он нашел репортажи и о событиях второго мая в Одессе, когда звериная толпа националистов и соотносящих себя с ними загнала сотню людей в здание Дома профсоюзов и, предварительно всюю поиздевавшись над ними, сожгла заживо за то, что они посмели объявить себя русскими и отстаивать свои, русские, права. Ужас объял Артема, смотревшего эти кадры. В этом горящем здании он увидел образ пылающей России — то, во что хотели превратить ее эти безумные «плясуны». И он понял, что именно эта безнаказанная бойня послужила стимулом для подавления, вплоть до физической зачистки, любых прорусских выступлений местных жителей. Потому велика была его радость, когда наступления «укропов» на Донбасском фронте захлебывались. «Побольше бы им таких «иловайских котлов!» — думал он.

Артем знал себя, знал, что безучастно смотреть на все это долго не сможет. Он должен быть там, где такие же, как погибший Сергей, люди защищают право русских быть самими собой, говорить на родном языке, любить, заводить семьи и рожать детей — в общем, жить и радоваться жизни. Это желание крепло в нем с каждым днем все больше и больше, пока не стало настолько непреодолимым, что он уже не мог ни дня, ни часа жить спокойно. Где-то в уголке сознания по-

являлась мысль о матери: «Как она, ведь одна останется?» Но он убеждал себя: « Попрошу ребят, чтобы присмотрели и, если что, помогли». И в первых числах октября Артем решил пойти к знакомому Сергею, который, как он знал, помогал тому отправиться на Донбасс.

Знакомого звали Кирилл. Он принял Артема доброжелательно, но все же в первую очередь спросил:

— Ты серьезно решил?

— А что, я похож на несерьезного? — поначалу даже обиделся Артем.

— Ну, не обижайся, всяко бывает... — сказал Кирилл, и было ясно, что он имеет опыт общения с теми, кто решил ехать и воевать за Донбасс.

Кирилл угостил гостя чаем и начал свой рассказ.

Переpravляться на Донбасс, понял Артем, придется через Ростов-на-Дону. Но предварительно нужно написать по электронному адресу, чтобы получить контакты координатора, с которым там надо будет связаться, — не будет же он бегать по городу и спрашивать: «Где здесь отправляют на Донбасс?» Как группа соберется, так и поедут на ростовском автотранспорте, и далее — на разные участки фронта, куда требуются бойцы. Главное требование: возраст не меньше двадцати одного года (при этом Кирилл пытливо посмотрел на Артема, и тот утвердительно кивнул: ему недавно исполнилось требуемое число лет, он в армию пошел двадцатилетним). И обязательно — отсутствие серьезных болезней и всего, не дающего права на выезд за границу, то бишь судимости, условного срока, нахождения в розыске, штрафов и долгов по кредитам или алиментам, и, наоборот, чтоб наличествовала хорошая физическая форма, выносливость и владение стрелковым оружием. Опять же, срок служения, именно служения, сказал Кирилл, — не менее трех месяцев, а лучше больше. Потом он подробно объяснил Артему, какие документы обязательно иметь при себе и что из обмундирования, защитных средств, медикаментов и бытовых принадлежностей с собой брать, так как ополчение испытывает в том нужду. Ну и до Ростова добираться нужно самостоятельно, остерегаясь мошенников, всюю обещающих за определенную плату переброску и обустройство на месте. И еще: получить деньги с «большой земли» будет весьма проблематично, потому должен быть при себе запас дензнаков: рублей, гривен и долларов.

— И запомни: нет гарантии, — продолжал Кирилл, — что нынешнее руководство республик или одной из них не продалось с потрохами олигархам, что тот или иной полевой командир не посылает бойцов на задание, спущенное сверху от предателей и врагов народа. Поэтому сегодня в ополчении требуются те, кто умеет критически смотреть на происходящее и думать своей головой... Если ты согласен со всем, что я сказал, то можем начать.

— Да, согласен, начнем! — ответил Артем.

И Кирилл, включив компьютер, набрал в Интернете адрес координатора в Ростове.

Артем добрался до Москвы, на Курском вокзале взял билет до Ростова и, переночевав в зале ожидания, в семь утра был уже в поезде «Санкт-Петербург — Анапа». В плацкартном купе, кроме него, ехали еще муж с женой, где-то лет по сорок, и парень примерно одного возраста с Артемом. Все они ехали из северной столицы — супруги на отдых «дикарями», а парень — его звали Степан — ответил как-то уклончиво.

За окном моросил нудный осенний дождь, которому, наверное, и самому уже надоело моросить, а непроницаемо серое небо только усиливало тоску. Супруги, позавтракав, спешно убирали со стола, предлагая парням место для еды. Артем

перекусил на вокзале, потому вежливо отказался, а Степан с удовольствием уселся на освободившееся место у окна, развернул свой сверток, достал из него хлеб, кусок сала с желтыми кругляшками, соленые огурцы и стал аккуратно нарезать все это на матерчатой салфетке. В купе сразу вкусно запахло чесноком.

— Сало по-белорусски? — спросил Артем: у них в городе такое продавалось на рынке, и он несколько раз покупал.

— Нет, украинское! — почему-то с некоторым вызовом ответил Степан и предложил, обращаясь ко всем соседям по купе: — Угощайтесь!

Все отказались по причине сытости, и Степан, отвернувшись к окну, стал быстро есть.

— А вы с Украины? — спросила женщина. — У меня сестра в Луганской области живет..

— Да, я из Украины, — жуя, ответил парень, делая ударение на предлоге.

— А откуда, если не секрет? — спросил муж женщины.

— Из Тернопольской области...

— А-а...

— В России на заработках? — в свою очередь спросил Артем.

— Был. Родители позвонили, что повестка пришла.

— Ну и проигнорировал бы! Что, охота воевать?

— Охота! — ответил Степан, зло свернув глазами как-то поверх голов собеседников.

В купе наступила тишина. Парень закончил завтрак и, свернув остатки еды в пакет, сел на свое прежнее место у прохода.

Мужчина, которого звали Николаем, долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на жену Светлану, затем на Артема, но ничего не сказал. Артем тоже понял, кто перед ним, но решил возразить.

— Значит, воевать хочешь? С кем же и за что?

— Как с кем? С оккупантами, кто отжал наши земли и хочет отжать еще! — дернулся парень и уставился на Артема, сидевшего напротив.

— Ты сам-то не воевал еще?

— Нет.

— Значит, хочешь убивать... А знаешь, сколько ваши поубивали уже на Донбассе? Может, ты видел фотографии или тебе рассказывали?

— Это все пропаганда! Это ваши «гиви» и «моторолы» пришли и превратили восток моей страны в бойню! — Степан был явно не в себе: зрачки его были сужены, плотно сжатые губы побелели, а глаза — ну разве что не метали молний.

— Ты ври, да не завирайся. Когда вы, прыгая на майдане, начали кричать свои «москаляку на гияляку» и крушить все, хоть чем-то напомилавшее вам Россию, тогда еще никакой войны на Донбассе даже близко не было. И его в Сомали превратили вы сами! — твердо сказал Артем.

Степан задергался и так плотно сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели.

— Ты представь, — спокойно продолжал Артем, — что в твой родной Тернополь приехали вооруженные люди, под страхом расправы запретили тебе говорить на своем языке, запретили голосовать за тех, за кого ты хочешь, и стали во всем устанавливать свой порядок... Тебе это понравилось бы?

— Ты мне своей «ватой» рот не забивай! — парень вскочил и уже хотел было кинуться на оппонента, но тут Николай поднялся со своего места и своим грузным телом мягко встал между ними.

Степан с разбегу уперся в его широкую грудь, отодвинулся и, ожидая, видимо, что мужчина пройдет, продолжал стоять в боевой стойке. Но Николай куда-то не шел, и тот, подергавшись, сел.

— Пойдем, выйдем, — обратился Николай к Артему.

Они вышли в тамбур. Дождя за окном уже не было, выглянуло солнце и стало глядеться в капли влаги на стекле, играя в них всеми цветами радуги.

— Не связывайся с ним, парень, ты же видишь, что он — «фонарь», да к тому же еще и неадекватен.

— Николай, но ведь слушать этот бред невозможно! Ладно бы он это у себя на родине нес, а то здесь, у нас говорит и не смущается даже. Я бы посмотрел, что они сделают с нашим, говорящим там, у них, за Россию.

— А я в их «сало в шоколаде» вообще не заглядываю, своя психика дороже... Зато много общался с западными украинцами — их у нас много на стройках работает, возле моего дома общага, где строители живут. Так они говорят, что, в отличие от части населения — таких, как этот Степан, — большинство хорошо или просто спокойно относятся к русским и к России. А в СМИ, конечно, только тупая хохлопропаганда, и больше ничего. Удивительно, но ее, во всей красе, допускают на наших телеканалах. Я же на эти телешоу и на их свидомитский бред тратить время не хочу.

— Я уже жалею, что связался с ним — большим на голову «укропом». Пусть думает и говорит что хочет.

— А ты куда, Артем, едешь?

— На Донбасс.

— В ополчение?

— Ну да!

— Будь с разговорами поосторожнее, тем более в Ростове — там у них рук много. Они ведь знают, что оттуда в основном переправляются ополченцы. Могут все что угодно с тобой сделать.

— Я понял, Николай.

— Вот и хорошо! А таким, как этот Степан, хоть кол на голове теши — свои «ще не вмерла» и «слава Украине» орать будут. Таким помочь может только доктор или сама жизнь. Может, попадет в ситуацию, когда мозги на место встанут...

— Это было бы полезно, и не только ему!

Вернувшись в купе, Артем достал из рюкзака книгу и погрузился в чтение. Так с перерывом на еду прошла оставшаяся часть дня. Ночь набегавшийся в хлопотах парень проспал на своей второй полке как убитый. Разбудил его голос проводника, объявившего о скором прибытии в Ростов.

С администратором группы, занимающейся доставкой добровольцев и грузов в Донбасс, Артем связался еще дома по Интернету. А прибыв в Ростов, он по телефону взял у него контакт координатора, непосредственно осуществляющего переправку. Тот сообщил, что ехать можно уже на следующий день. Чтобы не тратиться, Артем решил переночевать на вокзале, из которого он, собственно, и не выходил.

Утром он проснулся по мобильнику — звонил координатор, сказал, что необходимо скорее прибыть к парковке гипермаркета «Мега» на Аксайском проспекте. И Артем, пользуясь лучшим путеводителем — языком, быстро добрался до места сбора. Там уже стояли человек пятнадцать парней и мужчин в камуфляжной форме и с рюкзаками. Через несколько минут они погрузились в два автомобиля и, сопровождаемые ополченцем, отправились в сторону границы.

В машине Артема ехал один новгородец, капитан-пехотинец, брат которого второго мая сгорел заживо в Одессе в Доме профсоюзов. А еще один парень, такой же, как и Артем, демобилизованный, отслуживший в ВМФ, рассказал, что на его решение сильно повлиял увиденный по ТВ видеоматериал о том, как в Мариуполе

с ветеранов Великой Отечественной сдирали орден и медали, обещая следующий раз одеть вместе с кожей...

У границы они увидели лагерь беженцев и идущих к нему по дороге людей. Это были уже прошедшие пункт пропуска. А на луганской стороне стояла большая очередь и колонна автомобилей почти на километр. Артем, увидев, что там были не только женщины и дети, но и много мужчин, был поражен. Он подумал: «А ведь вот они, дезертиры! Крепкие мужики, и сваливают. Тьфу!» — сплюнул он в приоткрытое окно. Но тут же вспомнил семью из Краматорска и сдержал готовые вырваться наружу слова. «Видно, ситуация у всех разная...» — решил он.

Пересекли границу возле российского Донецка и поселка Изварино Луганской республики. Проблем никаких не возникло: беглый досмотр, проверка личных вещей, документов — на все ушло не более часа.

У пропускного пункта на территории ЛНР получили оружие, но пока временно — для безопасности в пути: автоматы Калашникова, пистолеты, гранаты и бронежилеты. Однако у рядовых ополченцев есть проблемы с оружием и снаряжением, рассказывал сопровождающий. Применяются даже самозарядные карабины Симонова (СКС) 1949 года и уже давно, казалось бы, забытые автоматы ППШ. А с техникой еще хуже. И это при том, что украинские части на Донбассе по численности в четыре раза превосходят ополчение. Идет, конечно, и техника, и оружие, но нужно бы гораздо больше.

Группу предупредили: двигаться будем без остановок, при обстреле выпрыгивать — и в заросли, уж какие попадутся. Путь лежал от Краснодона, через Шахтерск и до Донецка по разбитой дороге, поэтому ехали достаточно медленно. По пути они увидели несколько женщин в форме и с автоматами, и Артем все же опять с неприязнью подумал о мужчинах в толпе беженцев. Сопровождающий сказал: ввиду действия диверсионных отрядов по Донецку ходить не менее чем по трое.

На зданиях и даже частных домах висели флаги Новороссии, ДНР и ЛНР, России и даже СССР. Часто попадалась уничтоженная техника, разрушенные здания... Шахтерск, на окраинах которого еще шли бои, выглядел как Сталинград в 1942 году.

В Донецке, остановившись на одной из баз ополченцев, передали коменданту свои данные для внесения в компьютерную базу. Там же, по согласованию со Стрелковым, началось распределение добровольцев по отрядам. Как Артем узнал потом, у каждого подразделения есть своя специфика, определенная самостоятельность и привязка к территории.

Отряд, куда попал Артем двадцатого октября, после обороны от атак ВСУ со стороны Песков хорошо проявил себя в длительной осаде Донецкого аэропорта. С погодой повезло. Стояла осенняя, но не такая, как в средней полосе России, более теплая погода. Однако ночью спасались спальными мешками.

Артем добрым словом вспоминал знакомого с его советом купить ботинки и хорошие носки, а то бы измучился и ноги покалечил в сапогах — портянки он мотать не умел. В отряде был деревенский парнишка, которого отец научил хорошо мотать их. Быть может, если бы Артем умел, то попробовал и сапоги, но от добра добра не ищут, поэтому с ногами у него все было в порядке. С питанием тоже вроде нормально для войны — голод не испытывали, несмотря на то, что приходилось пару раз и одними галетами обходиться; после боевых действий можно было и подкупить кое-что. Кухня в отряде работала — повар с двумя помощниками, на «базе» действовал водопровод. Сюда же, на терминал — на «боевую», — воду взяли с собой в бидонах, а пищу готовили на перевозной печке (в «поле» же и на костре можно). Только плохо, что на базе не было горячей воды, и мыться было не в кайф. А на дворе уже поздняя осень и зима катилась в глаза. Пользовались влаж-

ными салфетками, одежду же им стирали местные, за отдельную плату, конечно. А вот с медицинской службой дело было так. Среди ополченцев оказалась фельдшер — именно оказался, так как специальной единицы такой не было. Да еще пару санитаров из своей среды выдвинули, как говорится, без отрыва от основной службы, фельдшер обучил их оказанию первой помощи и использованию лекарств, которых было достаточно. Индивидуальные пакеты и аптечки — это святое, они были у всех.

Недели две было затишье, вернее, вялотекущие действия — перестрелки, попытки вылазок... В это время Артем часто думал: если его убьют, мать этого не переживет, ведь он у нее один. Кроме того, с ним вместе канут в небытие все его чаяния и задумки и, главное, он не сможет выполнить то, ради чего приехал сюда. Мучило еще, что здесь, на войне, Артем уже хорошо это понял, лишить кого-то жизни так же легко, как раздавить козявку. Потому стали приходиться непрошенные мысли о том, что, убив другого, он уничтожит и чей-то чужой клубок желаний, забот и, может быть, хороших качеств, к тому же, возможно, и чьего-то близкого друга. Эта мысль снова вызвала в памяти образ Сергея. Он сердился на себя из-за этих мыслей и предчувствий, но избавиться от них не мог. Потому Артем очень не любил находиться в карауле, так как там было много времени для раздумий. Вот и сейчас, когда ушел сменившийся боец, он почувствовал гнетущее одиночество. Глаза после ярко освещенного помещения не сразу привыкли к темноте. Бледный свет молодого месяца лишь обозначал контуры построек и деревьев вокруг. Вначале из их здания, находившегося на расстоянии примерно двухсот метров, еще слышались громкие разговоры, смех и редкие ругательства, но через некоторое время — все же начало первого — наступила тишина: значит, уснули. Артем залез в специально вырытый окопчик и стал вглядываться в окружающее. Вокруг все было спокойно, но чем дальше он находился в тишине, тем сильнее обострялся его слух. Вот он уже уловил какой-то звук. Артем вспомнил слова своего старослужащего сержанта в армии, когда он лопухим новобранцем прибыл в часть и то и дело с любопытством все разглядывал. «Закрой варежку! — учил тот. — Батя мой, афганец, говорил, мол, можешь не успеть даже подумать о чем-то, но перед тем, как отдать концы, обязательно пожалеешь, что не был бдительным. Сейчас хоть и мирное время, но в армии мы, чтобы готовиться к худшему...» И Артема охватил страх. Он стал напряженно оглядываться вокруг себя, стараясь определить, откуда доносится звук. Шла минута за минутой, прошел час, но ничего не случилось. Артем начал успокаиваться, прислонился к стенке окопчика и немного расслабил мышцы ног. И, как обычно бывает после напряжения, его стал одолевать сон. Но он крепился и выстоял. Так постепенно шло его привыкание к военной обстановке.

В эти дни Артем познакомился с девушкой-ополченкой из соседнего взвода, Ольгой. Светловолосая и черноглазая, она сразу запала ему в сердце, может быть и потому, что была очень похожа на его мать в молодости на единственной ее цветной фотографии. Еще ему понравилось, хотя вначале и несколько удивило, ее отношение к войне. «Народ на Украине хороший, добрый, братский, — я была несколько раз в Полтавской области, даже уже после начала войны, у нас там родные живут, — но их политики как с ума посходили все. Что делается, а?! Людей жалко. А наши бабушки, старики и дети так привыкли к бомбежкам, что уже в подвал идут, как за продуктами, лишь в глазах — тоска и боль...» — с горечью рассказывала она, когда они неспешно, пока позволяла обстановка, беседовали.

А вскоре началось то, ради чего Артем и приехал сюда, — боевые действия. На участке отряда возобновились ожесточенные бои за аэропорт. Отряд разделили

на две части — у каждой было свое задание, — и они с Ольгой попали в разные. Он не знал, что чувствовала Оля, но у него было ощущение, что она все время находится рядом.

Для Артема все теперь было непривычно — служба в армии казалась детским садом по сравнению с теперешним. Снаряды, мины и гранаты летели туда и обратно. Снаряд, как ему объяснили, летит в три раза быстрее звука, его полет не успеваешь услышать, слышишь только взрыв. Мина же падает, как бомба, и, если слышен визг, летит она не в тебя, просто падай и накрывай голову руками, а если свистит, то убегай подальше, а там уж... И здесь очень нужен навык, которому не научишься нигде, кроме как в бою: после первой же мины можно определиться по звуку, куда летит следующая, опасно ли оставаться на месте или лучше отскочить. Артем стал прислушиваться к каждому свисту мины и взрыву. И действительно, оказалось, звук летящей мины зависит от направления полета. Он, кажется, на всю жизнь запомнил первый обстрел. Это было ночью. Мины летели точно на расположение отряда. Слышны были хлопки выстрелов, затем — неприятный тонкий визг, переходящий в нарастающий вой и, становясь все грубее, заканчивающийся взрывом. Казалось, будто сама ночь разрывается на осколки, а земля корчится гигантскими судорогами.

— А-а, чтоб им ни дна ни покрывки, этим чертовым нацикам! — разразился кто-то бранью.

Артема предупредили, что прилетают не только мины, но и много других боеприпасов. «Это плохо, так как нужно быстро учиться различать, а времени на это нет... Вот, например, звук «града» в полете похож на шорох, и его слышно издалека».

На следующий день наряду с хлопками минометов и гранатометов стали бухать орудия. Земля заходила ходуном, и все вибрировало от взрывных волн. А вот протяжный, очень низкий звук и сильные вибрации наполнили собой все пространство, отзываясь в каждой клеточке тела, будто кто-то невидимый накрыл землю гигантским колоколом и ударял в него, и что-то настолько сотрясло землю, что казалось, взорвался весь мир. За ним раздался новый нарастающий вой, услышав который, все, словно по беззвучной команде, легли. Артем тоже бросился в снег, зарываясь в него лицом, абсолютно не чувствуя холода. Взрыв раздался в ста метрах от них. Но люди не вставали, снова прислушиваясь к раздирающему вою... Он приподнялся, открыл глаза и сильно сжал кулаки, почувствовав сильную боль в пальцах. «Господи, помилуй!» — пробормотал он молитву, чего раньше никогда не делал, ибо не был верующим. Со лба, хотя был морозец, ручейками стекал пот, а во рту было сухо и ощущался неприятный вкус. Он пошевелился, чтобы катящаяся по спине струйка пота не щекотала нервы. Во всем теле ощущалось сильное напряжение и непонятно откуда появившееся — ведь раньше он не воевал — довольно странное, но приятное предвкушение боя...

«Как там Оля? — подумал Артем и представил ее лицо, глаза, чуть тронутые улыбкой губы. — Как она все это воспринимает? Женщина все же, хоть и два года уже в ополчении...»

Вот опять «запели». Конечно, опасаться следует только взрыва, однако сам звук летящей мины, ракеты, когда в течение нескольких секунд, затаив дыхание, слушаешь их «песню», сильно действует на нервы, изматывает тебя... Но вот наконец наступает тишина, совсем не слышно птиц — вся живность давно исчезла с этой «территории»... Где-то далеко-далеко бухает артиллерийская стрельба, похожая на глухие раскаты грома. А вот в расположении их отряда застрочили автоматы, значит, настало время близкого боя и тяжелого обстрела не будет.

Вдруг небо заволокло тучами, хотя до сих пор была легкая пасмурная дымка, и поднялся сильный шквальный ветер, порывы которого буквально валили людей с

ног. Деревья, и без того переломанные от обстрелов, сильно прогибались, казалось, вот-вот треснут пополам. Артем однажды в детстве с ребятами оказался в поле, когда разразилась сильная гроза с ураганным ветром — молнии били в землю рядом с ними. Они сильно испугались, потому что никогда ничего подобного не видели. Этот детский испуг оставил след на всю жизнь... Вот и сейчас ветер дул очень сильно — будто некий великан, сердясь на беспокойство, которое люди причинили ему своей стрельбой, пытался сдуть их с лица земли, — и им приходилось пригибаться к земле. Тем не менее на небольшом участке неба, не закрытом тучами, Артем заметил почти совсем над горизонтом ярко-красное закатное солнце, и даже мгновение полюбовался им. Но сейчас было не до того. Под автоматным обстрелом они с напарником перебежками стали продвигаться от укрытия к укрытию, с трудом держась на ногах. К тому же приходилось громко кричать, пересиливая ветер, чтобы слышать друг друга.

Вскоре, как-то сразу, замолчали автоматы и опять начали говорить наши пушки и минометы. Ополченцы передохнули и после хорошей артподготовки снова вышли из укрытия, и под проливным дождем, в промокшей до нитки одежде, стреляя, пошли вперед уже в полный рост против ветра. Подойдя к старому терминалу, они стали прицельно вести огонь по окнам, когда замечали там лицо или силуэт. У Артема кончились патроны, и он под прикрытием напарника отбежал за полуразрушенную кирпичную кладку перезарядиться. После они продолжили огонь вдвоем.

Ветер и дождь так же внезапно прекратились, как и начались. Подошли свои с ручными гранатометами и начали бить по окнам, так как противник прятался от автоматных очередей и боялся высунуться. Гранатометы сделали свое дело, и взрывники стали выскакивать из здания и ввязываться в открытый бой. Ополченцы стреляли с колена или в полный рост, прикрываясь только своим огнем, а когда кончались патроны или гранаты, отбегали к ящикам с боезарядом. Вот подошел ополченец с гранатометом и из-за спин автоматчиков спокойно запустил гранату из ствола точно в окно, откуда еще велась стрельба. «Есть!» — радостно показал он известным движением кулака и предплечья. Парня по соседству ранило в плечо, он тут же, прихватив автомат, отбежал за укрытие, перетянул руку жгутом выше места ранения и продолжил стрельбу.

Артем и его напарник заняли позицию на углу бывшего небольшого здания и по очереди — один шел на перезарядку, другой палил — стреляли по засевающим «укропам». «Лови кошмар!» — еще раз выстрелив, сказал гранатометчик. Несколько гранат и зажигательный патрон удачно попали в цель, и огонь оттуда временно прекратился, что позволило ополченцам вперебежку переместиться ближе, прячась за мертвую технику. Некоторые проникли в здание терминала и вели огонь там. Появился танк и стал на исходную позицию. Скорее для устрашения, ибо Артем с товарищами были уже в здании. Оттуда гулко раздавались хлопки выстрелов и очереди. Однако выкурить основные силы из здания не удалось, и бойцы вышли. Тогда прикатили пушку, и из нее, и из танка стали стрелять по терминалу. Артем видел, как тяжелый снаряд загонялся заряжающим в пушку, как ребята, затыкая уши, разбегались от нее, как один из них дергал за длинный шнур, слышал его крик: «Во имя народа! За русских! За свободу!» — после чего следовал оглушительный залп, и в обстреливаемом здании терминала — вспышка, дым и брешь в стене. А что было там внутри — может быть, трупы, разорванные в клочья тела, кровь людей — он не видел и не хотел думать об этом. Перед его глазами стояло лицо друга, Сергея, которого, может быть, вот так же разорвало; и фотографии, а теперь уж и не только они, бесчинств, пыток, казней и массовых захоронений замученных и расстрелянных людей. Но все равно было гадко на душе...

На подмогу пушке появился расчет с минометом. Один из ополченцев изучает звание старого терминала в бинокль, затем корректирует наведение на цель, и звучит воуглас: «Подавай снаряд!» И вот серебристо-зелено-белый снаряд входит в казенник, он закрывается. «Колпачок со взрывателя снял?» — кричит командир. «Снял! Готовы?» — «Да!» — раздается несколько голосов расчета. «Залп!» — и снаряд уходит к цели. Заряжающий железякой открывает горячий казенник и очищает его. Далее все повторяется, пока цель не перестает подавать «признаки жизни».

Но «укры» снова появляются в окнах и продолжают обстрел ополченцев. «Сколько же их там?» — спрашивает себя Артем. Командование меняет тактику боя: приходят два танка, бойцы надевают каски, вешают на пояс боеприпасы и с автоматами в руках садятся на броню. Отряд направляется к терминалу.

И тут Артему показалось, что он видит Ольгу — вдалеке вроде бы показалась ее фигура. Он хотел было соскочить с танка и броситься к ней, обнять, поцеловать в сухие, потрескавшиеся на ветру губы, сказать пару слов и услышать в ответ ее голос — так душа истосковалась. Но сосед крепко ухватил его за руку: «Ты что, парень?!» И Артем затих, с тоской вглядываясь в даль, где скрылась девичья фигура...

На подъезде к терминалу слышится команда: «По секторам смотрим! Круговая оборона!» После рекогносцировки на местности начинается стрельба из танков, из пушек, а ополченцы стараются обойти старый терминал по периметру и подавить огонь «укров» из автоматов, целясь, одиночными выстрелами, сберегая патроны. Артем ведет прицельный огонь из-за укрытия. Слышится уханье орудий, глухие звуки взрывов, звон стекол и падающих на бетон гильз, хлопки автоматов...

Вот застрочил пулемет — это его друг, Дмитрий, прилачился тут неподалеку. Но вдруг он падает, хватаясь за плечо. «Что-то снайперское в плечо сработало, — крикнул он. — Мяса оттяпало чуть ли не с кулак. И прямо в раненое плечо!..»

Новенький, из пополнения, которое получил их батальон, увидев кровь, побледнел. И Артем решил, что тот боится, так как при звуке летящих снарядов и взрывах, хотя они были теперь далеко, он нервно вздрагивал, то и дело почесывался и не мог стоять спокойно, а вертелся, будто заведенный. «Пришел, видимо, чисто на эмоциях, не готовый к такому... Интересно, можно ли будет положиться на него?» — подумал он...

Но когда неожиданно, почти над самой головой, послышался истошный визг, так похожий на звук резко тормозящей машины, во рту у самого Артема пересохло и сердце бешено забилося. Он инстинктивно сжался в комок, и если бы мог, то закопался бы в землю. Вдруг раздался страшный взрыв, было такое ощущение, что взорвался сам его мозг. Земля содрогнулась и заходила ходуном. Он услышал, как над ним пролетели осколки и куски земли, а затем ударила взрывная волна. Перед Артемом явственно возникли лица матери и друзей и мгновенно, как в ускоренной прокрутке киноленты, пролетели в сознании картинки его недолгой жизни, причем в обратном порядке — от настоящего к раннему детству. Еще и еще были взрывы, и будто каждый раз кто-то подбрасывал его в воздух. Рядом раздался крик: «Не надо, не надо!» По голосу он узнал того новобранца. Обстрел так же неожиданно прекратился, как и начался, мины больше не взрывались, но Артем еще некоторое время лежал. Неподалеку кто-то упал лицом вниз. Раздался взрыв одинокой, видимо, запоздавшей за своими «подругами» мины. Наверное, тот, упавший, услышал ее полет раньше, чем осколок разворотил ему туловище. Когда все прекратилось окончательно, он подполз к погибшему. При виде растерзанного новобранца, а это был он, у Артема закружилась голова и тошнота подступила к горлу. Весь день он думал об этом пареньке, погибшем в первый же день боя, и чувствовал душевное оцепенение.

Артем прекрасно сознавал, что может погибнуть, со смертью он уже свыкся и не размышлял о том, что может случиться в следующую минуту. Но интуитивно тревога не оставляла его. Пока на его глазах не убили этого паренька, он понимал смерть как просто отъезд или уход человека куда-то. Теперь же, когда Артем сам видел убитого, разорванное тело его, он стал ощущать тайный страх, в ушах звучал голос новобранца, его слова...

«Оля, Оля, где ты, как ты? — мысленно обратился к ней Артем. — Здесь и мужику-то тяжело...» Перед ним встало ее лицо, черные глаза искрились улыбкой, но взгляд их был тверд.

Это придало ему уверенности, ибо к тому времени многих ребят, с которыми успел сдружиться, потерял Артем в боях за терминал, как и не было их.

Притупилась от этого боль от гибели Сергея, однако не забылась...

...И вот тридцатого ноября бойцы водрузили флаг ДНР над старым терминалом. Однако это был еще не конец. После месячного затишья, после двухдневных украинских обстрелов Донецка силы ополченцев начали бои за новый терминал. Взвод Артема участвовал в уничтожении диспетчерской вышки. И бои шли до момента, когда украинские военные получили приказ об оставлении поселка Пески, из которого они прикрывали объект. Так девятнадцатого января Донецкий аэропорт был полностью освобожден.

А уже через три недели их батальон, занимая позиции в Угледорске, участвовал в дебадьцевской операции. И вновь небо и земля сотрясались от залпов танковых пушек, тяжелой артиллерии и ракет. Но Артем уже гораздо спокойнее воспринимал их, он теперь был обстрелянным бойцом. Командование поставило перед ополченцами цель — во что бы то ни стало окружить плацдарм украинских военных, проще говоря, создать еще один «котел».

До того разделенный их батальон соединился, и он наконец встретился с Ольгой. Казалось, прошел по меньшей мере год с их последней встречи, хотя они не виделись всего полтора месяца. Они обнялись. Ольга глядела на него с той же искоркой во взгляде, но тепло и ласково. Они держались за руки и не хотели отпускать друг друга. Этот час затишья они были вместе...

Война не место и не время для любви, однако она случается и на войне. Но вот вновь раздается свист, гул и грохот — эти ставшие уже привычными звуки сражений, снова потери, много раненых, потому что украинские военные используют касетные боеприпасы, которые приводят к массовому поражению людей. Они запрещены, но... Сами «укры» в ближний бой не идут, из автоматов почти не стреляют, бьют минами, касетными снарядами и палят издалека из танков.

Артем ни за что не хотел отпускать Ольгу от себя и добился перевода ее в свой взвод. Им разрешили, и она с радостью приняла это...

В нескольких сотнях метров от въезда в Угледорск на перекрестке стоял разбитый дом с проваленными пролетами. Обычный трехэтажный кирпичный дом-старина, каких много в уездных городах всего бывшего Союза. В нем засели «укры» и вели огонь. Рядом с этим зданием — детский сад и школа, поэтому одной из целей противника было вызвать, при дальнем обстреле, попадание снарядов по детским учреждениям. Когда отряд приблизился, Артем увидел в окнах автоматчиков, а под крышей — гнезда пулеметов. Начался длительный бой: из минометов и танков равномерно обстреливали уровень за уровнем, а из автоматов, экономя патроны, стреляли только по явно видневшимся в окнах силуэтам. Этаж за этажом они заняли весь дом, часть бойцов противной стороны сдалась в плен.

Когда перестали свистеть пули и «хлопать» минометы, Артем увидел, как этот дом похож на тот, где он родился и жил... И этот чудом уцелевший балкон напомнил ему: вот он в детстве, опершись на такие же вот перила, смотрит в небо и мечтает стать героем, летчиком, космонавтом... а там беззвучно, оставляя за собой белый шлейф, летит сверхзвуковой самолет. «Когда я вырасту, буду строить самолеты...» — тут же меняет свое решение Артем. Учительница на уроках хвалит его за сообразительность, а мама говорит: «Да, ты будешь специалистом, но для этого нужно хорошо учиться и хорошо есть. Сбегай за хлебом и садись за уроки...»

Немного передохнув, ополченцы двинулись в Углегорск. И первое, что услышали Артем с Ольгой, когда вошли в город, — плач женщины, у которой снарядом в одно мгновение был разрушен дом. Она стояла у плетня и, так как некому было больше пожаловаться, показывала проходившим мимо бойцам на огород: «Вот все мое достояние, сыночки, — копаю, сажаю, пропалываю и поливаю. Нам с детками, — она показала на троих белобрых ребятешек, — миллионерами с этого не стать. А теперь вот и дома лишились... — Рыдания прервали ее слова. — Это все из-за тех, кто хочет за наш счет стать миллионером!..» — выкрикнула она.

...Артем вспомнил, как он, шестнадцатилетний, с матерью ехал в другой город к родным умершего отца, чтобы попросить устроить его в их бизнес. Те были владельцами небольшой фабрики. Но с этим ничего не вышло — бедные родственники никому не нужны. Позже Артем понял — таким людям легче без оглядки эксплуатировать чужих... На обратном пути они с матерью решали, куда ему до армии пойти работать. Об окончании школы и речи не было, так как больная мать одна потянуть их двоих не могла...

«Мама, мама, как ты там?» — подумал он: вот уже месяц как нет писем от нее...

Затишье длилось недолго, начались бои, цель — добить остатки «укров», сидящих в Углегорске. Рядом с Артемом и Ольгой пару раз от взрывов высоко вздымалась земля. В ответ, стреляя на ходу, вперед двинулись три танка. У одного из них — видимо, часто стрелял — раскалился ствол и вокруг него появились языки пламени. К месту боя ополченцы пошли цепочками вдоль двух сторон улицы рядом с ее проезжей частью. Подойдя ближе, сгруппировались и построились. После получения вводной, группой, подбадривая себя криками, побежали вперед. Их догнал танк, и они сели на его броню, тесно прижавшись друг к другу...

Взяв Углегорск, ополченцы поставили на господствующие высоты артиллерию. Это уже было полдела. А пока готовились к дальнейшему, выяснилось, что когда военнослужащие ВСУ покидали эти места, то в балку под полуразрушенным мостом они сбросили нескольких сотен тел своих погибших и техникой сровняли с землей. Артема, узнавшего об этом, объял гнев и омерзение к сотворившим такое нелюдям, а затем вдруг охватило чувство горького сострадания к людям, которых они, ополченцы, здесь защищали.

После отряд участвовал в боях по взятию перешейка... Лобовой атаки не планировали, шли по лугу — трава выше колен, — стреляя из автоматов. Остановились, увидев впереди горящее поле пшеницы, за которым «работали» минометы. Подъехал грузовик с легкой артиллерийской установкой в кузове и два танка. Пришло подкрепление и в живой силе — машины с ополченцами в кузовах. Заняли позицию в линию...

И вот Артем видит, как «укры» собираются как раз в том месте, куда направлен его автомат. Он облизывает сухие потрескавшиеся губы, судорожно слатывает и поудобнее устраивается для стрельбы. Команды все нет. «А жаль! Что они там, заснули?» — думает о начальстве. Слышит: «Дзи-и-нь, дзи-и-нь» — это одна за одной пролетают над головой пули. Зажатая в руке граната кажется тяжелой и холодной. Артем, не дожидаясь приказа, бросает гранату вперед, быстро прячет голову и прикрывает ее руками. Ба-а-бах! «Я попал в них?» — спрашивает он у соседа. «Попал», — отвечает тот.

Небо стали накрывать грозовые тучи, солнце скрылось, может, погромыхивал гром, но его не было слышно из-за разрывов снарядов...

Затем при поддержке бронетехники пошли в атаку. У Дебальцево, определив наиболее уязвимые места в обороне противника, организовали несколько отвлекающих штурмов, что позволило ополченцам войти в город и начать его зачистку... И все. Дебальцево, наполовину оставленное жителями, постепенно, в течение недели, перешло под управление ДНР. По улицам бродило много собак, которые разрывали на куски трупы и растаскивали их. Видеть это было жутко. Когда Оля увидела собаку с человеческой рукой в пасти, ее вырвало. «Да, привыкнуть к такому, хоть годы будь на войне, видимо, невозможно», — с тяжелым чувством подумал Артем.

...А одиннадцатого — двенадцатого февраля в результате новых Минских договоренностей успешное и многообещающее наступление войск ополченцев было неожиданно остановлено, и обе стороны должны были пятнадцатого февраля отвести тяжелое вооружение с линии соприкосновения.

В конце месяца Артема и Ольгу отпустили в отпуск. Эти две недели были их медовым месяцем. Они поехали на родину Оли, в шахтерский городок Снежное. В 1990-х считали, что добывать уголь невыгодно, и закрыли множество шахт в Донбассе. Позже, в 2000-х, многие шахты в городе открыли снова, но уже, конечно, как частные. А крупнейшая, с двумя тысячами работников в прошлом, шахта «Снежнянская» — так и осталась закрытой. Сейчас территория постепенно разрушается и временем, и людьми, а халатность чиновников привела к ее затоплению. Несколько крупных предприятий, как «Химмаш» и «Мотор Сич», работают. И все же часто жители, бросив свои дома и квартиры, уезжают.

Погода была неважной — ночью легкий морозец, но зато днем ростепель, когда солнечные дни чередовались с дождливыми или с мокрым снегом, — и было довольно уныло. Однако после боевых действий и снег с дождем казались божьей благодатью.

Но погода интересовала молодых людей постольку-поскольку. Этим вечером мать Оли ушла на дежурство в котельную, и они остались одни. В комнате, в которой все сохранилось так же, как было до отъезда девушки в ополчение, царил полумрак. Оля включила музыку, и она наполнила собой все — и комнату, и их души. Артем обнял ее и стал целовать в губы, лицо, шею... Они не заметили, как освободились от одежды, и их обнаженные обнимающиеся тела были теперь чем-то единым, выходящим за пределы окружающего и в то же время безраздельно сливающимся с ним. Их движения стали танцем — плавным, сладостным и одновременно таящим в себе неизрасходованную мощь их любви. Артем целовал любимую без конца, и его губы никогда не попадали в одно и то же место. Он чувствовал, что Оля все более и более сливается с ним, и от этого мужественность возрастала в нем.

— А ты настоящий любовник... — прошептала девушка.

В ответ Артем долго и страстно целовал ее. Они, потеряв счет времени, вели интимный разговор двух людей, которых Бог сотворил мужчиной и женщиной.

Музыка давно смолкла, но в душах их звучала иная музыка, напоминающая молитву, и эта все возвышающаяся и возвышающаяся молитва наконец завершилась единым выдохом любви, которая слилась с великой Любовью, наполняющей Вселенную.

И сон обьял их...

...Они с Ольгой стоят у высокой и длинной стены, вокруг ребята из их отряда и, странно, мирные жители: женщины с детьми, старики... По ним стреляют, и не уйти, потому что выстрелы раздаются не только спереди, но и слева и справа. Стрелков не видно. Кто-то из стоящих у стены падает замертво, кто-то ранен, но в основном пули пролетают рядом с головой, рядом с рукой или ногой, и люди стараются увернуться от них. Словно цель стреляющих — подольше поиздеваться над людьми, прежде чем убить их. Артем оглядывается на стену: в ней много отверстий, но... все они малы, не пролезть, только руку можно просунуть. И вот, как бы в ответ на его мысль, невидимые руки из-за стены просовывают пакетики с продуктами, медикаментами и санитарными принадлежностями. Люди поспешно хватают их, ибо очень хочется есть, и многие ранены и истекают кровью... И никуда не уйти... И перспектива: рано или поздно — смерть...

Долго ли они спали, Артем не знал. Проснулся в холодном поту, когда Оля потрясла его за плечо и тревожно спросила:

— Что с тобой, милый?

Артем молча встал и подошел к окну. За ним была уже глубокая ночь. Звезд мало на небе, и черными теньями стояли дома. Он открыл форточку, в комнату резко пахнуло свежим весенним воздухом.

— Послезавтра уже март, — проговорил Артем.

— Да, весна... Тебе что-то приснилось?

— Ты знаешь, Оля, я решил остаться здесь, на Донбассе, и биться до конца. До победного конца, — поправился он.

— А как же твой город, друзья, родные? Ты мне столько рассказывал о них.

— Мой город там, где беды русских людей, — чуть помолчав, сказал Артем и обнял Олю: — А главные мои друзья и родные теперь — это ты и наши будущие дети.

Из-за облака выглянула яркая звезда. Ольга и Артем, обнявшись, долго смотрели на нее. Это был Юпитер — планета успеха и оптимизма.

